

Онищенко Валерий Леонидович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, психологии
и педагогики
Кубанского государственного медицинского
университета Министерства здравоохранения
Российской Федерации

Лагутин Александр Олегович

кандидат культурологии,
доцент кафедры философии, психологии
и педагогики
Кубанского государственного медицинского
университета Министерства здравоохранения
Российской Федерации

РАЗУМНЫЙ ЭГОИЗМ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ТЕОРИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ МАТЕРИАЛИСТОВ XVIII В.

Аннотация:

Проблема «разумного эгоизма» является актуальной для современного общества. Этический аспект взаимодействия социальных субъектов по законам рыночной экономики получает свое выражение не только в экономической сфере. Связь индивидуального и общественного получила детальное рассмотрение в контексте этического подхода в учениях французских материалистов XVIII в., которыми была выдвинута теория «разумного эгоизма». Согласно Гольбаху и Гельвецию, «правильно понятый собственный интерес», или «разумное себялюбие», не снимает эгоизм в качестве основного нравственного начала, но это уже эгоизм, непосредственно связанный с общественным интересом.

Ключевые слова:

эгоизм, разумный эгоизм, новая эгоистическая нравственность, правильно понятый собственный интерес, эпоха Просвещения.

Onischenko Valery Leonidovich

PhD, Assistant Professor,
Philosophy, Psychology
and Education Science Department,
Kuban State Medical University

Lagutin Alexander Olegovich

PhD in Cultural Studies,
Assistant Professor,
Philosophy, Psychology
and Education Science Department,
Kuban State Medical University

RATIONAL EGOISM AS A RESEARCH SUBJECT IN SOCIAL AND PHILOSOPHICAL THEORIES OF THE FRENCH MATERIALISTS OF THE 18TH CENTURY

Summary:

The problem of “rational egoism” is relevant to modern society. The ethical aspect of the interaction of social subjects under the rules of the market economy expresses not only in the economic sphere. The relationship between the individual and the public is considered in detail in the context of ethical approach in the doctrines of the French materialists of the 18th century, who promoted the theory of “rational egoism”. According to d’Holbach and Helvetius, “self-interest properly understood”, or “rational egoism”, does not eliminate the ego as a basic moral principle, but this is egoism that is directly connected with the public interest.

Keywords:

egoism, rational egoism, new egoistic morality, self-interest properly understood, the Age of Enlightenment.

Многие мыслители прошлого рассматривали вопрос о характере отношений человека и общества с точки зрения проявления их в сфере нравственности. Данная проблема является актуальной и для современного общества, где этический аспект взаимодействия социальных субъектов по законам рыночной экономики получает свое выражение не только в экономической сфере, но и в других областях общественной жизни: в искусстве, медицине, науке, семейных и бытовых отношениях, профессиональной этике.

Изучение достижений философской мысли прошлого дает необходимый теоретический материал для продуктивного исследования и оценки содержания морально-нравственных систем, идеалов и потребностей современного человека, подготовки практических рекомендаций в сфере морали. С этой точки зрения определенный интерес представляют философско-этические теории XVIII и XIX вв. В философских доктринах данного исторического периода фундаментальную разработку получил принцип эгоизма. В самых разных интерпретациях он отражал морально-нравственное содержание духовной культуры западноевропейских стран.

Проблема связи индивидуального и общественного получила детальное рассмотрение в контексте этического подхода в учениях французских материалистов XVIII в., которыми была выдвинута теория «разумного эгоизма».

В XIX в. появляются теоретические модели, наиболее полно выражающие основную направленность «новой эгоистической нравственности» формирующегося буржуазного общества, модели, весьма далекие от той демократической и гуманистической романтики, которой совершенно искренне «грешили» знаменитые французские материалисты и которая до них нередко проявлялась в попытках выдающихся представителей культуры прошлого рассмотреть этические аспекты диалектики индивидуального и общего, личности и общества.

В данном контексте достаточно актуально и символично выглядит точка зрения Д. Карнеги, имеющая очевидный гуманистический смысл в ее эмоционально-психологическом и социокультурном значении. Анализируя проблему добра, он писал: «Аристотель назвал такое поведение “просвещенным эгоизмом”. Заратустра сказал: “Делать добро другим – не обязанность. Это радость, ибо это улучшает здоровье и увеличивает счастье”. А Бенджамин Франклин сделал следующий краткий вывод: “Когда вы делаете добро другим... вы в первую очередь делаете добро себе”» [1]. По этому поводу сам Карнеги сделал вывод: «Забота о других не только отвлекает вас от беспокойства о себе; она также поможет вам приобрести много друзей и получить массу удовольствий в жизни» [2].

Существовавшие в XVIII и XIX вв. варианты в истолковании принципа эгоизма были связаны с различными воззрениями на перспективы общественного развития вообще и нравственности в частности, имели целью воспитание нового человека, обнаруживали как общее, так и отличное в представлениях о сущности человека.

Выработанная французскими материалистами XVIII в. концепция «разумного эгоизма» была отражением объективной потребности в формировании новых нравственных представлений в период, когда этический каркас буржуазной духовности только складывался и нес на себе печать социально-исторической эйфории, обусловленной возможными перспективами прогрессивного общественного развития. В этот период необходимо было дать законный ход эгоизму как главному нравственному принципу, соответствовавшему становлению капиталистических частнособственнических отношений.

Принцип «разумного эгоизма» способствовал согласованию индивидуальных и общественных интересов, то есть являлся формой их связи и должен был выступать в качестве принципа исторического созидания личности нового социального типа. Материалистическая позиция в объяснении содержания сознания и происхождения нравственных понятий позволила французским материалистам рассматривать общественные отношения как источник нравственных представлений отдельного человека. По их учению социальная среда выступает определяющим фактором формирования личности. Последняя поэтому реализует свой частный интерес с учетом общественных интересов.

Согласно Гольбаху и Гельвецию, «правильно понятый собственный интерес», или «разумное себялюбие», не снимает эгоизм в качестве основного нравственного начала, но это уже эгоизм, непосредственно связанный с общественным интересом, можно сказать облагороженный «симпатическим» отношением с обществом. Разум определяет «местоположение» интереса индивида, обеспечивающего отношение к другим индивидам, к обществу как к средству достижения своего личного блага. Гольбах писал: «Человек в собственных интересах должен любить других людей, потому что они необходимы для его собственного благополучия» [3, с. 81]. По его мнению, разум и мораль будут действительны, если помогут понять человеку, что его интерес зависит от правильного поведения, а «поведение может быть полезным, лишь снискав ему благожелательное отношение других людей, необходимых для его собственного счастья» [4, с. 91].

Нацеленность на эти нравственные принципы в воспитательном процессе и в выборе жизненной позиции со стороны граждан нового общественного строя проистекала из представлений идеологов об этом строе как о конститутивном социальном организме, соответствующем истинной природе человека, эгоистической по сути, что, впрочем, не противоречило и объективным потребностям нового общества в целом. «Поэтому воспитание, – подчеркивал французский мыслитель, – должно занимать воображение граждан мыслями об интересе или пользе человечества» [5, с. 99]. В то же время у французских материалистов социально-политический аспект решения моральной проблемы зачастую подменялся, что вполне понятно с идеологической точки зрения, установкой на необходимость совершенствования административного управления. Согласно их воззрениям, именно несовершенство управления было главной причиной столкновения интересов, невозможности индивидов так устроить свои отношения с обществом, чтобы это отвечало их эгоистическим интересам, то есть приводило к гармоническому соединению частного и общественного интересов, что является условием соответствующих нравственных действий.

С логической точки зрения и по специальному содержанию это, несомненно, было синтезом противоположных начал. Разумность такого синтеза мало у кого вызывала возражение, когда дело касалось лишь теоретического среза действительных отношений. Последние же по своему

корневному основанию не могли удовлетворяться чисто теоретическими аргументами. Они требовали реального подкрепления со стороны фундамента общественной жизни. Поэтому концепция «разумного эгоизма», сформулированная французскими философами, для своего действительного осуществления требовала соответствующего, а именно «разумного» социального устройства. Гольбах отмечал: «Человек так часто бывает дурным лишь потому, что считает себя почти всегда заинтересованным в этом. Пусть позаботятся о просвещении и счастье людей, и они станут лучше. При справедливом и неусыпном правительстве государство скоро начнет изобиловать добродетельными гражданами» [6, с. 347].

Мыслитель понимал, что реальная жизнь – поле социальных битв, где происходит столкновение враждующих интересов. Но, как истинный сторонник «просветительской» парадигмы, он именно в просвещении видел главный инструмент надлежащего улучшения социально-политического устройства. Этому же следовали и другие представители знаменитой эпохи Просвещения.

Французские просветители считали, что воображение граждан с детства надо занимать «мыслями об интересе или пользе человечества» [7, с. 99], но, признавая это, они ограничивались одной лишь его моральной просветительской констатацией. Между тем значение эпохи Просвещения состояло в том, что она, идеализируя моральный фактор общественного развития в ходе идеологической подготовки Великой французской революции конца XVIII в., показала его историческую силу и одновременно его историческую ограниченность на последующей стадии общественного развития – на стадии буржуазного общества, которое, придя на смену феодализму, без особых затруднений экономически утилизировало моральный фактор в плане соответствующих рыночных критериев, как, впрочем, и все другие факторы жизненного процесса.

В теориях французских материалистов эгоизм как феномен социопсихологической жизни людей обусловлен природно-физиологически: это естественное состояние человека. Эгоистическое в человеке – следствие его естественной природы, его объективной природы. Как уже отмечалось, в трактовке французских энциклопедистов эгоизм был возведен в идеал нравственного стержня человека, правда, с некоторым смещением от крайнего индивидуализма к его более общественным, надиндивидуальным проявлениям в виде эгоизма, нуждающегося в социальном обозначении и подкреплении. Недостаточный учет при оценке нравственных событий общественных критериев невольно приводил к преувеличению их индивидуального, внеисторического содержания, которое в силу этого приобретало статус абсолютного источника всякой нравственности. В итоге практический аспект просветительской теории – привести общество к нравственному совершенству, опираясь на правильно истолкованное природное эгоистическое начало, – приобретал явно утопические черты. Разумно понятое эгоистическое в реальной жизни в конечном счете оборачивалось невольным оправданием безнравственности.

У Гольбаха диалектика социального и индивидуального в нравственном бытии человека по своему внутреннему существу не выявляется и поэтому в сущности смыкается с утилитаризмом. «Почему каждый член общества обязан содействовать благополучию своих сограждан? – спрашивает философ. – Что побуждает его поступать таким образом? То, что он нуждается в своих согражданах для достижения собственного счастья. Польза, которую он им приносит, всегда положительно отражается на его собственной участи» [8, с. 27]. Между тем эгоизм человека, именно так «заинтересованного» в общественной пользе, в реальной жизни очень часто становился основой безнравственных действий.

Принцип «разумного эгоизма» в его истинно гуманистической и демократической трактовке реально содействует объективному направлению в развитии общественных отношений и нравственности и является их не только регулятивным, но и конститутивным фактором.

В силу своей диалектической природы феномен «разумного эгоизма» как бы перерастает рамки эгоизма как такового и в этом значении выступает как принцип формирования новой личности. «Разум» не просто внешне, как некий надзиратель-контролер, ограничивает поле чистого действия «эгоизма» и, таким образом, опять-таки чисто внешне придает его деятельности ряд дополнительных позитивных импульсов. В противовес этой просветительской формуле необходимо отметить, что «разум» в самой внутренней природе эгоизма обнаруживает диалектическое содержание и, используя присущую ему противоречивость, взрывает его эгоцентрическую оболочку и переводит полученный результат в поле иного нравственного измерения.

Такой смысловой статус принципа «разумного эгоизма» не выявляется в воззрениях французских материалистов.

Все вышесказанное дает основание для следующего вывода. Учение французских материалистов XVIII в. о «разумном эгоизме», будучи прогрессивным с точки зрения гуманизации общих представлений о человеке, в области практической морали было скорее идеологической декларацией социальных сил, приходящих к господству, поскольку экономическая и политическая программа последних по существу не обеспечивала и не могла обеспечить социальной гармонии

и предметного осуществления тех высоких нравственных идеалов, которые были теоретическим стержнем просветительской философской парадигмы.

Ссылки:

1. Carnegie D. How to Stop Worrying and Start Living. N. Y., 1990. 352 p.
2. Ibid.
3. Гольбах П.А. Система природы. М., 1936. С. 81.
4. Там же. С. 91.
5. Там же. С. 99.
6. Гольбах П.А. Избранные произведения. Т. 1. М., 1963. С. 347.
7. Гольбах П.А. Система природы. С. 99.
8. Гольбах П.А. Избранные произведения. Т. 1. С. 27.